

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399>

EDN: LJXJUJ

Научная статья / Research article

«Буриданов осел» советской языковой политики: попытка реформы корейской письменности в 1930-е годы

Фёдор Леонидович Сеницын

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

✉ permcavt@gmail.com

Аннотация: Исследуется процесс создания новой корейской письменности в СССР в 1930-е гг., раскрываются особенности этой деятельности, осуществлявшейся в рамках советского языкового строительства. Выявляются причины, ход и результаты реформы корейской письменности, состав участников ее реализации. Исследование основано на анализе документов, выявленных в Архиве РАН, Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве социально-политической истории. Автор пришел к выводу о том, что развернутая в СССР борьба за модернизацию корейского языка и письменности вылилась в разработку нового корейского алфавита на латинской основе. Участниками процесса корейской латинизации стали общесоюзные и дальневосточные «латинизаторские» и партийные структуры. В рамках реформы обсуждались несколько проектов нового корейского алфавита – на «английской» и на «общесоветской» основе. По вопросу о выборе основы в среде «латинизаторов» развернулось столкновение. В начале 1932 г. поднимался вопрос о созыве «корейской конференции», которая должна была утвердить новый алфавит. Однако решением ЦК ВКП(б) инициативу отменили, после чего корейская латинизация в СССР затормозилась. В итоге утверждение и внедрение новой корейской письменности осуществить не удалось.

Ключевые слова: традиционный корейский алфавит, хангыль, советская языковая политика, нациестроительство, корейское население Посыетского района

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сеницын Ф.Л. «Буриданов осел» советской языковой политики: Попытка реформы корейской письменности в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2026. Т. 25. № 2. С. 386–399. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399> EDN: LJXJUJ

“Buridan’s Ass” of Soviet Language Policy: Attempt to Reform Korean Writing System during the 1930s

Fyodor L. Sinitsyn^{ID}

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ permcavt@gmail.com

Abstract: The author considers the process of creating a new Korean writing system in the USSR in the 1930s and reveals the features of this activity carried out within the framework of Soviet language construction. They reveal the reasons, courses, and results of the reform of the Korean writing system, as well as the composition of the participants in its implementation. The study is based on the analysis of the documents identified in the Archive of the Russian Academy of Sciences, the State Archive of the Russian Federation, and the Russian State Archive of Socio-Political History. The author comes to the conclusion that the struggle for the modernization of the Korean language and writing system launched in the USSR resulted in the development of a new Korean alphabet based on Latin. The All-Union and Far Eastern ‘romanization’ institutions and party structures were involved in the activities on Korean Romanization. Several projects of the new Korean alphabet based on the ‘English’ and ‘all-Soviet’ basis were developed and discussed. However, among the ‘romanizers’ there was a clash on the issue of choosing a basis for the new Korean alphabet. In early 1932, there was support for convening a ‘Korean conference’, which was supposed to approve the new alphabet. However, this initiative was canceled by the decision of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). After that, Korean Romanization in the USSR slowed down. As a result, the approval for and implementation of the new Korean writing system failed.

Keywords: Korean, Korean Writing, Hangul, Latinization, USSR, Korea

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sinitsyn, F.L. “‘Buridan’s Ass’ of Soviet Language Policy: Attempt to Reform Korean Writing System during the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 25, no. 2 (May 2026): 386–399 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2026-25-2-386-399> EDN: LJXJUI

Введение

Актуальность. Языковой вопрос в Советском Союзе в 1920-х – 1930-х гг. считался идеологически важным¹, как и многие другие аспекты национальной жизни страны. Советская национальная политика направлена, во-первых, на создание литературных языков на основе «живого языка пролетариата и колхозного крестьянства»². Во-вторых, в 1920-е гг. в СССР развернулось движение за латинизацию письменности под руководством Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита (ВЦКНА) при Совете национальностей ЦИК СССР, который внедрял разработанный для народов СССР унифицированный алфавит. В регионах работали аналогичные местные комитеты, в их числе, Центральный комитет нового алфавита (ЦКНА) РСФСР и Дальневосточный комитет нового алфавита (ДКНА).

Затронула эта деятельность и советских корейцев. На рубеже 1920-х гг. – 1930-х гг. в СССР проживали, по разным данным, от 170 тыс. до 250 тыс. корейцев (в основном на территории Посыетского района Дальневосточного края)³. В стране издавались книги, учебники, выходило не менее шести газет на корейском языке⁴.

¹ Хабаев И.П. Новый бурят-монгольский алфавит // Бурятияведение. 1930. № III–IV (11–12). С. 23.

² Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 676. Оп. 1. Д. 1175. Л. 50; Революция и письменность. 1932. № 1–2. С. 145.

³ Ныне – Хасанский район Приморского края.

⁴ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 1; Там же. Д. 244. Л. 14–15; Булатников И. О латинизации корейской письменности // Просвещение национальностей. 1930. № 6. С. 106; King J.R.P. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. 1987. Vol. 23. № 2. P. 234.

В настоящее время корейский язык является государственным в странах Корейского полуострова, региональным в Яньбянь-Корейском автономном округе КНР (провинция Гири). Этим языком во всем мире владеют более 80 млн чел. Корейское население России, согласно данным переписи населения 2002 г., составляет более 87 тыс. человек.

Степень изученности проблемы. В историографии, включая новейшую, имеются работы, посвященные теме нациестроительства в СССР и советской языковой политики⁵. Частично в работах затрагивалась история реформирования корейской письменности в Советском Союзе. Например, в статье Т.И. Виноградовой раскрывается отражение кампании по корейской латинизации в советской прессе 1930-х гг.⁶ Однако остаются нераскрытыми вопросы соответствия проектов новой корейской письменности 1930-х гг. традиционному алфавиту (хангыль), сохраняется спорное мнение о том, что «планы создания латинской графики корейского языка одобрены, но, судя по всему, так и не осуществлены»⁷. В ряде зарубежных публикаций, посвященных романизации (латинизации) корейской письменности, вообще не упоминаются усилия СССР в этой области⁸.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей процесса создания новой корейской письменности в СССР в 1930-е гг., включая обоснование реформы, рассмотрение ее хода и результатов, изучение состава участников реализации реформы.

Источниковая база. Исследование основано на критическом анализе документов, выявленных в Архиве Российской академии наук в фонде Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР (Ф. 676); Государственном архиве Российской Федерации в фондах ВЦИК (Ф. 1235), Наркомата просвещения РСФСР (Ф. 2306), ЦИК СССР (Ф. 3316), Комитета Севера (Ф. 3977; Российском государственном архиве социально-политической истории в фондах ЦК ВКП(б) (Ф. 17) и Коминтерна (Ф. 495). Эти документы включают в себя отчеты о деятельности в сфере советского языкового строительства, протоколы заседаний латинизаторских структур, научные разработки в сфере корейского языка и письменности. Кроме того, использованы материалы о проблемах латинизации корейского языка, выявленные в тематических сборниках документов⁹.

⁵ Аманжолова Д.А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>. EDN: LOTCKC; Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век История в документах, 140-летию переселения корейцев в Россию посвящается / [Н.Ф. Бугай; Введ., заключение, сост., коммент.]. М., 2004. EDN: QOVUIP; Синицын Ф.Л. Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. <https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8> EDN: MTBMUD; Синицын Ф.Л. Народы Восточной Азии в советском языковом строительстве. М., 2024. EDN: AVMTET

⁶ Виноградова Т.И. Проекты латинизации корейской письменности в СССР по материалам периодической печати 1930-х годов // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 2006. Вып. 9. С. 44–56. EDN: YSBWVO

⁷ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 281. EDN: QPSAAZ; King J.R. Korean Language Studies in the USSR // The Korean Society of Bilingualism. 1991. № 8. P. 70.

⁸ Grune D. The Academic Romanization of Korean from the National Institute of Korean Language. September 2020. URL: <https://www.academia.edu/44194708>; Grune D. Analysis and Critique of the Yale Romanization of Korean. October 2020. URL: <https://www.academia.edu/44335747>; Kovačić M. Latiničenje zapisanje korejskoga // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 2018. Vol. 65. S. 76–79.

⁹ Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 9; Революция и письменность. 1932. № 1–2; Революция и письменность. 1932. № 3; Революция и письменность. 1933. № 1.

Подготовка к реформированию корейской письменности в СССР

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. под влиянием начавшейся в стране латинизации (в первую очередь, китайской письменности) в СССР развернулось жесткая критика корейского алфавита. Вначале одной из главных мишеней стала не столько сама корейская письменность, сколько ее сопряженность с китайскими иероглифами¹⁰, которые к тому времени уже были объявлены латинизаторами (так называли советских государственных и общественных деятелей, вовлеченных в кампанию по реформе письменности народов СССР) вне закона¹¹. Кроме того, как оказалось, в традиционном корейском алфавите (хангыль¹²) обнаружились недостатки. Во-первых, что он якобы «очень труден» для усвоения, «не дает возможности научно разработать орфографию»¹³, не отражает «всего звукового состава современного корейского языка», «приспособлен <...> к вертикальному способу письма», неудобен для полиграфии¹⁴. Латинизаторы сделали вывод, что корейская письменность негодна и не станет таковой даже в реформированном виде, и поэтому провозгласили «неотложность латинизации корейской письменности», причем «ускоренным темпом»¹⁵.

Корейская латинизация содержала политическую подоплеку как акция, имеющая революционизирующую направленность, а также определенное интернациональное содержание ввиду наличия зарубежной Кореи, где проживало подавляющее большинство корейцев¹⁶. Однако инспектор Наркомпроса РСФСР И. Булатников, который в 1930 г. проводил обследование культурного обслуживания корейского населения Посъетского района, заявил, что именно советские корейцы должны «стать авангардом культурной революции корейского народа»¹⁷.

Латинизаторы утверждали, что советские корейцы их поддерживают¹⁸ – особенно «широкие учительские массы»¹⁹. Однако, конечно, имелись и противники латинизации, прежде всего среди представителей корейской интеллигенции²⁰, которые считали, что в СССР невозможно «ставить вопрос о латинизации корейской письменности и об отказе от иероглифов», т.к. это может создать «отрыв советских корейцев от <...> большой Кореи» и повредить «с точки зрения интересов будущей революции на Востоке»²¹.

Реформа корейской письменности имела и объективные трудности, обусловленные, прежде всего, фонетикой. По мнению некоторых лингвистов, в корейском языке практически нет звуков, которые могут быть однозначно идентифицированы с латинскими буквами. Кроме того, сказалась бедность латинского алфавита, не имеющего достаточного количества букв для отображения всех корейских фонем²².

¹⁰ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 22–23; Булатников И. О латинизации... С. 107.

¹¹ Синицын Ф.Л. Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. <https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8> EDN: MTBVMUD

¹² В СССР также употреблялся термин «онмун» или «онмунь».

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

¹⁴ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–3; Там же. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 58, 60.

¹⁵ Там же. Д. 244. Л. 22; Там же. Д. 1208. Л. 1; Там же. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 60, 62.

¹⁶ Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 21, 87 об.

¹⁷ Булатников И. О латинизации... С. 108.

¹⁸ Пашков Б.К. Неотложность латинизации корейской письменности // Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 9. С. 36.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 124. Д. 34. Л. 146.

²⁰ Пашков Б.К. Неотложность латинизации... С. 36.

²¹ Булатников И. О латинизации... С. 108.

²² Grune D. Analysis and Critique... P. 1; Grune D. The Academic Romanization... P. 1.

Тем не менее, латинизаторы отвергали доводы своих противников и объявили их в духе времени «классовым врагом»²³. Не останавливали их и объективные трудности.

Начальный этап реформирования

Впервые вопрос о корейской латинизации поднимался в феврале 1930 г. президиумом Посыетского райисполкома²⁴. Из Посыета движение за латинизацию перекинулось во Владивосток и затем – в Хабаровск. Студент Дальневосточного института народного хозяйства Пак Ен Бин разработал первый в СССР проект нового корейского алфавита²⁵.

В августе 1930 г. во Владивостоке на собрании в корейском клубе имени Сталина приняли «Резолюцию о необходимости безотлагательного перехода на латинский алфавит»²⁶. 24 августа проект алфавита, разработанный Пак Ен Бином, приняла созданная собранием комиссия, после чего документ разослали по научным и общественным организациям для обсуждения и уточнения²⁷.

К началу следующего года вопрос о корейской латинизации дошел до Москвы. 14 апреля 1931 г. ЦКНА РСФСР сообщил в Совет национальностей ЦИК СССР, что «корейцы <...> (проживающие в пределах Советского Союза) поставили вопрос о переходе их на новый, на латинской основе, алфавит»²⁸. В Москве появился еще один проект алфавита, разработанный членом ЦКНА РСФСР О Чан Хваном. В разработке этого проекта также приняли участие сотрудники Коммунистического университета трудящихся Востока²⁹.

В конце октября – начале ноября 1931 г. в Хабаровске при Отделе культуры и пропаганды Дальневосточного крайкома ВКП(б) проводились собрания корейского актива, на которых рассматривались два проекта алфавита: первый включал в себя буквы: а, ә, b, c, ch, d, e, ь, g, h, i, j, k, kh, l, m, n, o, ө, p, ph, r, s, sh, t, th, u, w, y, z; второй проект состоял из следующих букв: а, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, ng, o, p, r, s, t, u, ū, v, w, x, y, z, ch, kh, th, ph³⁰. Как видно, оба проекта создавались не на основе общесоветского унифицированного алфавита, разработанного ВЦКНА³¹ (где не существовало дифтонгов и имелось большое количество букв с диакритическими знаками), а по «английскому образцу» (с дифтонгами и практически без нестандартных букв с диакритическими знаками).

Обоснованием подобной основы корейского алфавита служило наличие в СССР китайского латинизированного алфавита, который имел именно английскую основу³² (данный термин применялся латинизаторами). Сторонники данного подхода рассматривали корейцев и китайцев прежде всего как представителей этносов, лишь часть из которых проживает в СССР, и полагали, что в алфавитном вопросе необходимо

²³ Пашков Б.К. Неотложность латинизации... С. 36.

²⁴ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 34. Л. 146.

²⁸ Там же. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 19. Л. 44.

²⁹ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 2–3, 5, 16–17.

³¹ В дальнейшем в тексте статьи разработанный ВЦКНА для внедрения во всесоюзном масштабе «унифицированный» алфавит будет именоваться «общесоветским» алфавитом.

³² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2550. Л. 30; Там же. Д. 2181. Л. 3–3 об; Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932; Работа группы по латинизации и движение за латинизацию китайской письменности в СССР // Проблемы Китая. 1930. № 4–5. С. 221.

ориентироваться на Корею. Советский писатель и журналист Цой Хо Рим считал возможным транслировать туда «пролетарскую культуру» только в случае латинизации корейской письменности без «нестандартных» букв, так как в Корее имелся только обычный латинский шрифт³³. Таким образом, латинизаторы считали превалирующим внешнеполитический аспект, рассчитывая на распространение советского влияния за рубежом. Главными сторонниками алфавита на английской основе являлись ДКНА (который занимался китайской латинизацией и вовлечен в дунганскую латинизацию, где также продвигалась английская основа) и корейский партийно-политический актив Дальнего Востока.

В итоге хабаровские собрания в конце октября и начале ноября 1931 г. не отдали предпочтения ни одному из проектов³⁴. Варианты проектов нового корейского алфавита, разработанные в СССР, представлены в таблице.

Соответствие букв хангиль и вариантов нового корейского алфавита / The correspondence of the Hangul letters and the versions of the new Korean alphabet developed in the USSR

Хангиль / Hangul	Латинизированный алфавит (разные варианты) / Latinized alphabet (Different versions)					Алфавит на кириллической основе / The Cyrillic-based alphabet
ㅏ	a	a	a	a	a	a
ㅑ						я
ㅓ	y	ae	ь	e	ə	э
ㅕ	o	o	o	o	o	o
ㅗ	ө	oi	ө	ou	ө	
ㅛ						е
ㅜ						ё
ㅠ	u, v	u, w	u, w	u, w	u, w	у
ㅢ						ю
ㅡ	ь	y	y	ũ	ь	ы
ㅣ	i, j	i, j	i, j	i, j	i, j	и
ㅗ	ə	ai	ə	ai	ʌ	ä
ㅛ	e	e	e	eu	e	э
ㅜ	g	g	g	g	g	г
ㅠ	k	kk	k	k	k	к
ㄴ	n	n	n	n	n	н
ㄷ	d	d	d	d	d	д
ㄹ	r	r	r	r	r	р
ㄺ	l	ll	l	l	l	л
ㅁ	m	m	m	m	m	м
ㅂ	b	b	b	b	b	б
ㅅ	p	pp	p	p	p	п
ㅇ	ş	s	z	s	s	з
ㅈ	s	ss	s	x	x	с
ㅊ	z	z	з	z	z	дз
ㅌ	c	cc	c	c	z	ц
ㅋ	ç	c	ch	ch	c	ч
ㅇ	n	ng	n	ng	n	ң
ㅋ	q	k	kh	kh	q	кх
ㅌ	t	tt	t	t	t	т
ㅍ	ţ	t	th	th	h	тх
ㅑ	f	p	ph	ph	f	ф
ㅎ	x	x	h	h	h	х

Источник: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 60.

Source: Archive of the Russian Academy of Sciences, f. 676, op. 1, d. 244, l. 60.

³³ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 3; Там же. Д. 244. Л. 28, 31, 42.

³⁴ Там же. Д. 244. Л. 7.

Возникновение противоречий между сторонниками разных проектов

Корейская латинизация вновь затормозилась, после чего к этой деятельности подключился ВЦКНА. К середине декабря 1931 г. на уровне ВЦКНА были рассмотрены уже два типа проектов алфавита – на английской и общесоветской основах (второй имел такой вид: а, в, с, d, e, э, g, h, i, j, k, l, m, n, п, o, ө, р, r, s, t, u, w, y, z, з, ь)³⁵. Перед ВЦКНА встал вопрос о том, можно ли сделать «для корейцев исключение, как <...> сделали в отношении китайцев»³⁶ в плане принятия алфавита на английской основе?

Среди латинизаторов по этому поводу развернулась дискуссия, которая остро проявилась на заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г., где прозвучали и выступления за алфавит на «английской» основе, и доводы противников такой основы, среди которых были видные сотрудники самого ВЦКНА. Угол зрения сторонников «общесоветского» унифицированного алфавита был направлен внутрь СССР. Основным аргументом, который советские латинизаторы всегда выдвигали для обоснования унификации алфавитов, были нужды полиграфической промышленности (чем меньше разных литер придется отливать, тем лучше), и это имело разумное обоснование. Однако известный лингвист Н.Ф. Яковлев привел следующий довод: на Дальнем Востоке «предвидится унификация китайского, корейского и японского алфавитов», и уже внедрены «латинизированные монгольский и северный алфавиты»³⁷.

Аргументы за введение для корейцев общесоветского алфавита имели и внешне-политический контекст, когда было заявлено, что «смотреть на зарубежное население, а не смотреть на многочисленную унификацию алфавитов в СССР – недопустимо»³⁸.

Видный советский латинизатор У. Алиев заявил о недопустимости каких-либо поблажек в пользу английской основы корейского алфавита. Он, в частности, сказал: «Единственным исключением в нашей практике является китайский алфавит, который был принят по политическим соображениям»³⁹. Очевидно, ВЦКНА не хотел плодить исключения, которые подрывали его усилия по полной унификации алфавитов народов СССР.

На заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г. прозвучали выступления и против корейской латинизации вообще. Одним из аргументов было то, что в Приморье около 90 % корейцев обладали грамотностью на основе старого алфавита. Противники латинизации также оспаривали упор латинизаторов на связь корейской письменности с иероглифами, указывая на существование хангыля. Кроме того, звучали аргументы о необходимости продолжать печатать «массовую литературу на старом алфавите» для распространения ее в Корее. Цой Хо Рим выступил за постепенность латинизации, но фактически в его словах звучало скептическое отношение к этой реформе⁴⁰.

Разработка нового корейского алфавита сопрягалась с проблемой литературного языка, что находилось в русле языковой политики СССР того периода. «Традиционный, классово чуждый корейский литературный язык» был признан негодным для «борьбы за социалистическое переустройство корейского общества». Одновременно,

³⁵ В процессе разработки алфавитов использовались и некоторые другие буквы – см. таблицу 1.

³⁶ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 7, 19, 20, 26.

³⁷ Там же. Л. 29.

³⁸ Там же. Л. 30–31, 63 об.

³⁹ Там же. Л. 31; Синицын Ф.Л. Китайская письменность: советские эксперименты 1920-х – 1930-х гг. // ЭНОЖ «История». 2023. № 11. <https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8> EDN: MTBMUD

⁴⁰ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 20–21.

как минимум в 1930 г., было объявлено, что «новокорейский литературный язык еще окончательно не определился». Тем не менее, латинизаторы уже заранее были уверены в несоответствии старого алфавита новому корейскому литературному языку каким бы он ни получился⁴¹.

При создании такого языка был сделан упор на «живой язык трудящихся». Как следует из резолюции состоявшегося 12 апреля 1932 г. собрания корейцев – учащихся Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина, в основу нового литературного языка было предложено положить «живое произношение провинции Чунчендо (сейчас – Чхунчхондо) как общепонятное для всех корейцев, с использованием и обогащением его в словарном отношении диалектами корейцев советского Д[альнего] Востока, а также международной терминологией»⁴². Однако было и другое мнение. Так, советские ученые Б.К. Пашков и Ю.К. Шуцкий предлагали сделать упор на речь корейцев: либо на имеющийся в Корее «северный диалект, ибо это диалект населения нашего Союза и, кроме того, он меньше затронут влиянием феодально-дворянского языка Кореи, чем южный»⁴³. Тем не менее, выяснилось, что выбор диалекта для литературного языка не должен повлиять на алфавит: на заседании Научного совета ВЦКНА 22 декабря 1931 г. заведующий корейским сектором Дальневосточного краевого издательства П.А. Осенмук заявил, что между корейскими диалектами нет фонетических различий⁴⁴.

В итоге своих заседаний в декабре 1931 г. Научный совет ВЦКНА постановил утвердить проект корейского алфавита на общесоветской основе⁴⁵.

Несмотря на принятое решение, противостояние продолжилось. В январе 1932 г. Дальневосточный комитет нового алфавита вновь высказался за алфавит на «английской» основе. В его документах отмечалось:

Проведение латинизации среди национальностей, лишь частично находящихся на территории Советского Союза <...> не может не требовать от нас учета предстоящего перебрасывания латинизации за пределы Союза⁴⁶.

Представители Дальнего Востока указывали, что «в странах Тихоокеанского побережья широко распространено знание латинского алфавита (благодаря изучению английского языка)», и поэтому в типографиях есть чисто латинские буквы⁴⁷. По этой причине делался вывод, что

будущая советская власть в Корее сможет непосредственно после захвата буржуазных типографий использовать их по прямому назначению – на службу революции⁴⁸.

Приводились и технические обоснования:

Как показывает имеющийся опыт латинизации китайской письменности, товарищи, знакомые с т.н. «английским алфавитом», овладевают латинизированным китайским письмом в течение 2–3 дней⁴⁹.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–5; Там же. Д. 244. Л. 87об; Там же. Д. 1208. Л. 6.

⁴² Там же. Д. 244. Л. 28.

⁴³ Там же. Л. 100, 124; Там же. Д. 1208. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 28, 100.

⁴⁵ Там же. Л. 32.

⁴⁶ Там же. Л. 38–38 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Такое мнение было поддержано партийными властями Дальневосточного края с апелляцией к уже утвержденному китайскому алфавиту, имевшему английскую основу. В дополнение, 26 марта 1932 г. в корейской газете «Авангард», издававшейся в Хабаровске как печатный орган Дальневосточного крайкома ВКП(б), вышла переводная статья под авторством П.А. Осенмука, в которой введение для корейцев общесоветского алфавита было обозначено как «оторванная от международного значения попытка осуществления латинизации в национальных рамках»⁵⁰.

В итоге ВЦКНА не стал утверждать решение своего Научного совета – очевидно, из-за жесткой позиции дальневосточных коллег. 5 марта 1932 г. ВЦКНА сообщил телеграммой в Дальневосточный крайком ВКП(б) и ДКНА, что «обязательность [общесоветской] унификации не предрешена».

ВЦКНА предложил дальневосточникам всесторонне обсудить алфавит на специально созванной конференции и затем ее решение представить в Москву для окончательного утверждения⁵¹. Таким образом, обсуждение корейской латинизации фактически было возвращено на региональный уровень.

Однако ВЦКНА все же выступал за общесоветский алфавит, что было закономерно. Еще в феврале 1932 г. ВЦКНА сообщал в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) о недопустимости исключений в отношении корейского алфавита. По мнению ВЦКНА, корейский алфавит должен был «строиться для обслуживания корейцев, живущих на советском Дальнем Востоке», а не ориентироваться на страны Запада и на Корею, оккупированную Японией. Был дан ответ и на «типографский» аргумент – что нельзя ориентировать создаваемый в СССР корейский алфавит на «захват буржуазных типографий» в Корее, тем более что «после установления советской власти в Корее не представит особых трудностей отлить <...> 5 букв»⁵² (ә, п, ө, з, ь), которые не входят в число обычных латинских.

Это мнение разделяли корейцы – учащиеся Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина. На своем собрании, прошедшем 12 апреля 1932 г., они выступили за общесоветский алфавит, а также подвергли дальневосточных латинизаторов критике за «неприкрытый административный нажим <...> для протаскивания» проекта на «английской» основе. Дополнительным их аргументом было то, что «ссылка на английский алфавит несостоятельна уже потому, что знание английского языка и алфавита» являлось «достоянием незначительного слоя буржуазной корейской интеллигенции, а не широких масс»⁵³.

Прекращение деятельности по корейской латинизации

В начале 1932 г. с подачи ВЦКНА был поднят вопрос о созыве корейской конференции, которая должна была утвердить алфавит (впервые о необходимости такого мероприятия было заявлено на совещании корейского актива в Хабаровске 2 ноября 1931 г., а затем – на заседании президиума ВЦКНА 5 января 1932 г.). Изначально конференция была намечена на апрель 1932 г. во Владивостоке, а затем, из-за технических трудностей, связанных с приездом представителей из Москвы, была перенесена на начало мая⁵⁴.

⁵⁰ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 42, 67.

⁵¹ Там же. Л. 41.

⁵² Там же. Л. 39–39об.

⁵³ Там же. Л. 68, 70, 76.

⁵⁴ Там же. Л. 9, 37, 66, 95.

В итоге конференция была и вовсе отменена по решению ЦК ВКП(б). 9 мая 1932 г. на встрече представителей ВЦКНА Д.А. Коркмасова и Никифора Пака с чиновниками ЦК ВКП(б) последние «корейскую конференцию предложили не созывать». 13 мая ВЦКНА отправил в ДКНА телеграмму с извещением, что «корейская конференция откладывается [на] неопределенный срок». Затем на заседании президиума ВЦКНА было объявлено, что «ЦК считает необходимым отложить месяца на 2 корейскую конференцию». Было принято решение поручить ведущим советским латинизаторам – Н.Ф. Яковлеву, К.А. Алавердову и Б.К. Пашкову – с привлечением корейского студенчества и аспирантов «проработать вопрос дальнейшего оформления новой корейской письменности»⁵⁵. Официальное объяснение отмены корейской конференции в архивных документах установить не удалось. Скорее всего причиной было изменение ситуации в Дальневосточном регионе, связанное с началом захвата Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., который завершился к марту 1932 г. созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го. После этого приоритетом для СССР стало усиление обороны дальневосточных границ, а планы по советизации Кореи стали совсем призрачными.

В то же время в условиях торможения корейской латинизации в Советском Союзе было расширено изучение корейского языка. Еще в 1930 г. латинизаторы в своих документах сетовали, что «живые говоры корейского языка... не изучены», и это «не дает возможности выявить надлежащим образом число фонем нового литературного языка». К 1932 г. ситуация оставалась без изменений. В мае 1932 г. Б.К. Пашков направил в ВЦКНА докладную записку, в которой отметил, что «бесписьменная живая речь корейских трудящихся <...> совершенно <...> не изучена»⁵⁶.

В октябре 1932 г. при Научно-исследовательской ассоциации национально-колониальных проблем (НИАНКП) была создана «корейская бригада», в состав которой вошли Н.Ф. Яковлев, Б.К. Пашков, Н.В. Пак (заведующий корейской кафедрой при Институте востоковедения им. Нариманова) и Никифор Пак (аспирант НИАНКП). По итогам работы за ноябрь и декабрь 1932 г. бригада составила отчет, который содержал несколько странные выводы:

Корейский язык по своей традиционной письменности и лексическому составу близок к китайскому языку, а по грамматической структуре – к японскому⁵⁷.

Как известно, корейский и китайский языки фактически не имеют ничего общего. Родство корейского и японского языков также является дискуссионным моментом в лингвистике. Дальнейших указаний по латинизации корейской письменности отчет не содержал.

В 1933 г. ВЦКНА и ДКНА вновь пытались двинуть вперед латинизацию корейской письменности⁵⁸. В основном этим по-прежнему занимался ДКНА⁵⁹. На Дальнем Востоке продолжалось движение за корейскую латинизацию. 25 июля 1933 г. председатель китайской секции ДКНА Ван Чанси (Мартынов) сообщил в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), что «ряд учительских конференций корейских школ, а также некоторые корейские колхозы продолжают выдвигать требования о проведении

⁵⁵ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 96–98.

⁵⁶ Там же. Д. 172. Л. 5; Там же. Д. 244. Л. 124, 130–130 об.

⁵⁷ Там же. Д. 244. Л. 125, 130.

⁵⁸ Алавердов К. План работы Научного Совета // Революция и письменность. 1932. № 3. С. 103.

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 445. Л. 22.

корейской латинизации»⁶⁰. Попутно продолжалась деятельность по разработке нового корейского литературного языка. В августе 1933 г. в Москве было созвано совещание по вопросам корейской терминологии и грамматики⁶¹.

Несмотря на отсутствие реального продвижения корейской латинизации, со стороны ВЦКНА звучала высокая самооценка этой деятельности: еще в начале 1933 г. было объявлено, что «заслуживает особого внимания победа нового алфавита среди корейских <...> трудящихся, живущих в РСФСР»⁶².

Однако фактически корейская латинизация затормозилась. 25 июля 1933 г. Ван Чанси (Мартынов) сообщил в ЦК ВКП(б), что корейская секция ДКНА «к развертыванию массовой работы не приступила», так как секретариат Дальневосточного крайкома ВКП(б) постановил «временно воздержаться от проведения корейской латинизации», исходя,

помимо соображений международного порядка <...> из того, что около 80 % корейского населения Д[альне]в[осточного] к[рая] грамотны на старом алфавите⁶³.

Таким образом приводились те же аргументы, что были у противников латинизации на заседаниях Научного совета ВЦКНА в декабре 1931 г.

27 декабря 1934 г. на совещании при Отделе культуры и пропаганды Дальневосточного крайкома ВКП(б) П.А. Осенмук и видный деятель ВЦКНА С.М. Диманштейн заявляли, что среди корейского населения по целому ряду обстоятельств вводить латинизацию было еще рано. Представитель ДКНА Н.И. Любин, наоборот, высказался «за немедленное проведение латинизации корейской письменности», так как

80 % грамотности среди корейского населения не является аргументом против немедленного введения латинизации, ибо эта грамотность – пассивная⁶⁴.

Продолжал выступать за продвижение корейской латинизации и ВЦКНА, который 5 декабря 1935 г. предложил дирекции Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей организовать Дальневосточный сектор, «ближайшей задачей» которого является

определить составление большой докладной записки о новом алфавите китайского, корейского и дунганского языков⁶⁵.

В том же году лингвист А.А. Холодович предложил новый вариант корейского алфавита: а, в, d, е, ае, g, h, i, у, k, kh, l(r), m, n, о, ө, э, р, ph, s, t, th, u, z⁶⁶. Можно считать, что это было последним проявлением активности в сфере корейской латинизации в СССР. В «Сведениях о состоянии научной разработки вопросов языкового строительства дальневосточных языков», изданных ВЦКНА в начале 1937 г., корейский язык вовсе не упоминается⁶⁷.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

⁶¹ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 244. Л. 132.

⁶² Тогжанов Г. О проделанной работе и очередных задачах ЦК НА РСФСР // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 13.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 510. Л. 6.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 610. Л. 90.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2177. Л. 36.

⁶⁶ Холодович А. О латинизации... С. 170.

⁶⁷ Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 960. Л. 6–6 об.

К этому времени в стране началось свертывание всей кампании по латинизации. В июле 1937 г. был ликвидирован ВЦКНА⁶⁸, а его руководство было репрессировано. ДКНА был упразднен в сентябре того же года⁶⁹.

Кроме того, все эти годы в СССР продолжалось использование традиционной корейской письменности. В 1930 г. О Чан Хван издал в Хабаровске «Граматику корейского языка», которая имела важное значение для корейской лингвистики⁷⁰. Продолжалось преподавание на традиционном алфавите в корейских школах⁷¹. Вплоть до 1937 г. было издано большое число корейских учебников⁷². Но в 1937 г. советские корейцы были незаконно депортированы из приграничных районов Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан, что повлекло за собой прекращение издательской деятельности на корейском языке.

Однако, как выяснилось из документов, обнаруженных в Архиве РАН, деятельность в сфере реформирования корейской письменности в СССР не закончилась. В 1939 г. на фоне уже практически завершенного перевода письменности народов Советского Союза с латиницы на кириллицу, сотрудник Института языка и письменности народов СССР Ким Тхя Хен разработал проект корейской письменности на основе русского алфавита: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я, ä, ë, тх, кх, дз⁷³. Характерно, что автор алфавита при определении фонетического состава корейского языка исходил из непосредственного наблюдения над живой корейской речью в СССР (как ранее предлагали и латинизаторы). В духе времени он также заявил, что в результате введения нового алфавита

фонетика корейского языка пойдет на сближение с русской, отчего оба языка только выиграют <...> использование русского алфавита поднимет на высшую ступень корейскую грамотность и еще теснее объединит этот народ с русским народом на базе общей великой социалистической культуры⁷⁴.

Однако этот алфавит введен не был, и деятельность в сфере корейской письменности в СССР не осуществлялась вплоть до 1950-х гг., когда А.А. Холодович разработал еще одну систему русской транскрипции корейского алфавита. Эта система была доработана советским лингвистом Л.Р. Концевичем и используется по сей день для транскрибирования корейских слов на русском алфавите. Что касается аналогичной деятельности за рубежом, то в 1942 г., например, была разработана система корейской латинизации в университете в Нью-Хейвене (входит в «Лигу плюща») в штате Коннектикут (США). В 2000 г. в Южной Корее была утверждена система записи корейских слов латиницей, которая применяется как дополнение к национальному алфавиту⁷⁵.

Заключение

Таким образом, в СССР в 1930-е гг. была развернута кампания по реформе корейской письменности, в рамках которой были разработаны несколько вариантов нового алфавита на латинской основе, а также один вариант – на кириллице. В эту дея-

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 20.

⁶⁹ Шпринцин А.Г. Из истории нового китайского алфавита (1928–1931 гг.) // Народы Азии и Африки: История, экономика, культура. 1961. № 6. С. 134.

⁷⁰ King J.R. Korean Language Studies... P. 65.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1015. Л. 3.

⁷² King J.R. Korean Language Studies... P. 68.

⁷³ Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 334. Л. 79, 82.

⁷⁴ Там же. Л. 81–82.

⁷⁵ Grune D. Analysis and Critique... P. 1, 12.

тельность были активно вовлечены представители всесоюзных и дальневосточных партийных и государственных структур, включая Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) и Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), что было не вполне обычным для СССР, где партийные органы вплоть до середины 1930-х гг. чаще всего воздерживались от прямого участия в подобной работе, отдавая ее на откуп общественникам. Участие партийных структур в корейской латинизации говорило о ее большом политическом значении.

В качестве основания для отказа от традиционной корейской письменности латинизаторы использовали ее связь с китайскими иероглифами. Прочие аргументы были слабы, так как корейцы много веков успешно пользовались своей письменностью, издавали на ней типографским способом книги, газеты и пр., причем применяя уже и горизонтальный (европейский) формат письма.

Выбор варианта нового корейского алфавита вылился в необходимость решения проблемы его унификации – международной (с превалированием «стандартных» латинских букв) или общесоветской (на основе унифицированного алфавита, разработанного ВЦКНА и имевшего большое количество букв с диакритическими знаками). Можно сказать, что сторонники обоих типов алфавита были по-своему правы: и общесоветский вариант имел смысл как минимум для облегчения деятельности полиграфической промышленности в СССР, и английский вариант был привлекателен с точки зрения распространения созданного в Советском Союзе корейского алфавита за рубежом. Однако сторонники общесоветского варианта выдвигали также несколько странный аргумент о необходимости унифицировать алфавиты народов СССР с целью обеспечить взаимопонимание между разными народами, в языковом плане не имеющими ничего общего (очевидно, что использование общих букв разными народами, если их языки не являются близкими, не может обеспечить понимания между ними).

В итоге выбор основы для новой корейской письменности в СССР так и не смогли осуществить. Фактически эта проблема оказалась нерешаемой, став, в фигуральном смысле, «буридановым ослом» для советских латинизаторов. А на фоне изменившейся международной ситуации она стала еще и одной из причин того, что инициированная в СССР реформа корейской письменности зашла в тупик.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.04.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 8.02.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 7.03.2026

References

- Alaverdov, K. "Plan raboty Nauchnogo Soveta [Work Plan of the Scientific Council]." *Revoliutsiia i pis'mennost'*, no. 3 (1932): 89–111 (in Russian).
- Alekseev, V.M. *Kitaiskaia ieroglificheskaiia pis'mennost' i ee latinizatsiia* [Chinese hieroglyphic writing and its romanization]. Leningrad: izdatel'stvo i tipografiia Akademii nauk SSSR Publ., 1932 (in Russian).
- Amanzholova, D.A. Amanzholova D.A. "Soviet Federal Project and the Collisions of Nation Building in the 1920-1930s." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (2024): 30–40 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40>
- Bugai, N.F. *Koreitsy v Soiuzhe SSR – Rossii: XX-i vek Istorii v dokumentakh, 140-letiiu pereseleniia koreitsev v Rossiю posvyashchaetsya* [Koreans in the USSR – Russia: 20th Century History in Documents, dedicated to the 140th anniversary of the resettlement of Koreans to Russia]. Moscow: INSAN Publ., 2004 (in Russian).

- Bulatnikov, I. “O latinizatsii koreiskoi pis'mennosti [On the Latinization of Korean Writing].” *Prosveshchenie natsional'nostei*, no. 6 (1930): 10–15 (in Russian).
- Kovačić, M. “Latinično zapisivanje korejskoga.” *Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika* 65 (2018): 76–79 (in Croatian).
- King, J.R.P. “An Introduction to Soviet Korean.” *Language Research* 23, no. 2 (1987): 233–274.
- King, J.R. “Korean Language Studies in the USSR.” *The Korean Society of Bilingualism*, no. 8 (1991): 201–223 (in Russian).
- Khabaev, I.P. “Novyi buryat-mongol'skii alfavit [New Buryat-Mongolian Alphabet].” *Buryatievedenie*, no. III–IV (11–12) (1930): 18–23 (in Russian).
- Martin, T. *Imperiia “polozhitel'noi deiatel'nosti”: Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Empire of “Affirmative Action”: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Pashkov, B.K. “Neotlozhnost' latinizatsii koreiskoi pis'mennosti [The Urgency of Latinization of Korean Writing].” In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*, 33–37. Moscow: [N.s.], 1931 (in Russian).
- Shprintsin, A.G. “Iz istorii novogo kitaiskogo alfavita (1928–1931 gg.) [From the history of the new Chinese alphabet (1928–1931)].” *Narody Azii i Afriki: Istorii, ekonomika, kul'tura*, no. (1961): 126–135 (in Russian).
- Sinitsyn, F.L. “Chinese Writing: Soviet Experiments of the 1920s and 1930s.” *Istoriya*, no. 11 (2023): 203–231 (in Russian), <https://doi.org/10.18254/S207987840028827-8>
- Sinitsyn, F.L. *Narody Vostochnoi Azii v sovetskom iazykovom stroitel'stve* [Peoples of East Asia in Soviet Language Construction]. Moscow: Ves' mir Publ., 2024 (in Russian).
- Togzhanov, G. “O prodelannoi rabote i ocherednykh zadachakh TSK NA RSFSR [On the work done and the next tasks of the Central Committee of the National Assembly of the RSFSR].” *Revolutsiia i pis'mennost'*, no. 1 (1933): 5–17 (in Russian).
- Vinogradova, T.I. “Projects for the Latinization of Korean Writing in the USSR Based on Periodical Press Materials of the 1930s.” *Proceedings of the Center for Korean Language and Culture*, no. 9 (2006): 44–56 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Фёдор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории, Российская академия наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а; permcavt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>; SPIN-код: 1292-0271.

Fyodor Leonidovich Sinitsyn, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Leading Researcher at the Department for Modern and Contemporary History of the Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prosp., Moscow, 119334, Russia; permcavt@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>; SPIN-code: 1292-0271.